

RU

Дискурс смерти в современном российском обществе: социально-философский анализ

Москаленко Д. Н.

Аннотация. Целью исследования является определение особенностей дискурса смерти в современном российском обществе, а также интерпретация трансгуманистических идей в отношении смерти в контексте социальной философии. **Научная новизна** работы заключается в философском осмыслении темы смерти в контексте концепции активного иммортализма, получающей свое практическое воплощение в современной России, а также в социально-философском анализе проблем, с которыми сталкиваются российские исследователи, занимающиеся изучением смерти и умирания. **В результате** проанализированы причины и последствия страха смерти в современном российском обществе и способы его преодоления, в частности, с помощью концепций цифрового бессмертия и крионики, а также предложены варианты дестабуизации темы смерти в России.

EN

Modern Russian Discourse on Death: Socio-Philosophical Analysis

Moskalenko D. N.

Abstract. The research objectives are as follows: to reveal peculiarities of the modern Russian discourse on death, to analyse trans-humanistic conceptions of death in the context of social philosophy. The theme of death is interpreted in the light of the immortalism doctrine implemented in modern Russia, the problems the Russian thanatologists come across are considered through the lens of social philosophy, which constitutes scientific originality of the study. The research findings are as follows: the author analyses causes and consequences of thanatophobia in the modern Russian society, suggests ways to overcome it (conception of digital immortality, cryonics), makes proposals on detabooing the subject of death in Russia.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что смерть – до конца непознаваемый феномен, с которым рано или поздно придётся столкнуться каждому человеку. Дискурс смерти, танатологические исследования и рефлексия над феноменом смерти выводят нас на классические для философской традиции вопросы о смысле жизни, предназначении человека, свободе и ответственности. Особенно важным нам представляется то, как дискурс смерти разворачивается на территории России. Он до сих пор ещё не сформирован: нет общей фокусировки внимания, конвенционального мнения по вопросам, связанным с изучением темы смерти, до конца не выработано отношение к смерти и умиранию в социальном и культурном плане [6]. Однако с каждым годом ситуация меняется, появляется всё больше людей, ратующих за внимание и интерес к любым аспектам, имеющим отношение к теме смерти. Так, например, Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ) в Санкт-Петербурге создал Лабораторию социальных исследований смерти и умирания, осуществляющую свою деятельность с 2017 г.; в разных российских городах с 2016 г. открываются Death safe – кафе, в которых, как правило, незнакомые люди встречаются и ведут беседу на тему смерти за чашкой чая или кофе, демаргинализируя таким образом подобные разговоры.

Современная гуманитарная танатология – междисциплинарная область научных исследований, направленная на изучение и осмысление феномена смерти, её причин и последствий, а также культурной составляющей. Исходя из поставленной цели, формулируем следующие **задачи**: изучить истоки философской танатологии в российской мысли и причины непопулярности death studies в России; проанализировать табуированность, замалчивание и другие проблемы дискурса смерти; исследовать осмысление страха смерти в современном российском обществе.

В статье применяются следующие **методы исследования**: принцип единства исторического и логического, благодаря которому получилось изучить истоки философской танатологии в российской мысли и причины

непопулярности death studies в России; метод анализа, позволивший проанализировать табуированность, замалчивание и другие проблемы дискурса смерти; социокультурный подход, который позволил исследовать тему страха смерти в современном российском обществе.

Теоретической базой исследования послужили труды русских философов Н. Ф. Федорова [16], Л. И. Шестова [20], работы социального антрополога и создателя первого в России журнала по death studies «Археология русской смерти» С. В. Мохова [14], труды исследователей death studies и авторов, изучающих феномен смерти, таких как П. С. Гуревич [5], Р. Л. Красильников [11], С. А. Еремеева [6; 7], а также работы исследователей трансгуманизма [2; 3; 8; 9; 15; 19; 21].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его содержание и результаты могут быть использованы как ориентир для изучения дискурса смерти в современном российском обществе, а также в педагогических целях, при чтении спецкурсов по социальной философии.

В современном мире тема смерти всё больше перестаёт восприниматься как табуированная, особенно в контексте развития западноевропейской философской, культурологической и социологической мысли. В пространстве же медийного дискурса и обыденности в России эта тема зачастую либо не поднимается, либо поднимается в преимущественно медицинском смысле. Однако, что касается философского дискурса, то тема смерти здесь поднималась ещё родоначальником русского космизма, религиозным мыслителем Н. Ф. Федоровым. Философ хотел объединить человечество в преодолении так называемого «небратского состояния мира» – всеобщей разобщенности людей. Смерть порождает несчастья, несправедливость и трагичность человеческого удела: дети хоронят своих родителей, а прогресс движется за счёт того, что будущее строится на костях наших предков [16, с. 216]. Н. Ф. Федоров предложил отдать долг отцам и не просто прийти к личному бессмертию, а воскресить умерших. Такая победа над смертью, по мнению философа, есть фундамент для развития общества, науки, искусства и культуры в целом. В качестве примера мыслитель приводит Христа, а христианское учение он считает вовсе не учением о бессмертии, а «делом» преодоления смерти. Именно этого, по Н. Ф. Федорову, Бог и ожидает от человека. При этом апокалипсис, о котором идёт речь в Откровении Иоанна Богослова, – всего лишь один из сценариев возможного будущего. Задачу же человечества Н. Ф. Федоров видит в преодолении конца света посредством построения Царства Божия на земле: искоренения войн, неравенства, социальной иерархии и достижения всеобщего спасения [Там же, с. 81].

Другой религиозный мыслитель Л. И. Шестов считал, что смерть есть основа любой подлинно метафизической системы и источник философии: до тех пор, пока человек не сталкивался со смертью, он не может начать философствовать в полной мере. «Только великие потрясения открывают человеку последнюю тайну» [20, с. 64]. Повторяя тезис Платона о том, что философия должна научить человека умирать, Л. И. Шестов противопоставляет иррациональную веру попыткам рационального мышления решить проблему смерти [Там же, с. 94]. Смерть нарушает обычный ход жизни, привычный уклад существования, превращаясь в то, чего люди боятся и о чём избегают говорить: «...как переход наш от небытия в бытие происходит без нашего участия и предполагает властное, может, насильственное вмешательство загадочного fiat, так и переход от жизни к смерти не может произойти “естественно”» [Там же, с. 110]. Но именно по этой причине и стоит говорить о ней, сделать смерть предметом философского исследования. Исключая тему смерти из философского дискурса, мы сосредотачиваемся на онтологических и гносеологических построениях, далёких от жизни и экзистенции, считаем, что выдуманнные человеческим разумом законы и вечные истины объективны.

В XX в. исследователи по-разному возвращались к идеям вышеупомянутых мыслителей. Например, философия трансгуманизма была отчасти вдохновлена именно русским космизмом, в частности, «философией общего дела» Н. Ф. Федорова. Трансгуманизм представляет собой философскую концепцию, которая видит возможность трансформации человеческого тела и разума посредством современных научных и технологических достижений с целью устранения страданий, болезней и даже смерти. Однако необходимо отметить, что большая часть трансгуманистов отрицает ценность смерти в человеческой жизни, несмотря на то, что осознание конечности жизни так или иначе влияет на поиски смысла жизни и играет большую роль в стремлении к самореализации. Ценность человеческой жизни определяется и тем, как человек и окружающие его люди относятся к смерти.

Death studies – междисциплинарная область исследований, направленная на изучение репрезентации смерти и умирания в медиа, паллиативной медицины, психологических и социальных аспектов смертности. Внутри этой области выделяются социально-философские исследования феномена смерти – философская танатология, посвящённая анализу и осмыслению феномена смерти. В настоящее время в России существует ассоциация танатологов, издававшая до 2001 г. философский альманах «Фигуры Танатоса» [17] и группа независимых исследователей, издающая первый в России научный журнал, посвященный death studies [14]. В отличие от естественнонаучной танатологии, гуманитарная танатология ставит задачу рассмотрения отношения к смерти, которое концептуализируется в мировой культуре, в том числе в философских работах и произведениях искусства. Поэтому, как отмечает Р. Л. Красильников, «гуманитарные науки имеют дело не с самой смертью, а с её феноменом, представлениями о ней, её художественным воплощением» [11, с. 31].

В то же время современные исследователи подчёркивают, что в России не принято говорить о смерти. «Теперь о смерти не говорят. Точнее, попытки говорить о ней наталкиваются на стену молчания» [6, с. 45]. Говорить о смерти – прежде всего, говорить о жизни, её проблемах, причинах и следствиях проблем: тяжёлых физических и ментальных заболеваниях, низком уровне жизни, одиночестве, социальной изоляции, суициде как общественном явлении, наркомании и алкоголизме, эскапистском поведении. Танатопсихологи также выделяют изучение страха смерти и аутомортальной тревожности: страх смерти, являясь уже вполне

классической категорией для философии, становится «относительно новым предметом исследования в отечественной психологической науке» [1]. Интересно, что в российских исследованиях данный страх описывается либо с позиций христианского вероучения, либо изучается в качестве одной из защит психики, что приводит к вытеснению рефлексии о смерти из повседневности. Несмотря на то, что международные и локальные конфликты так или иначе освещаются в средствах массовой информации и коммуникации, смерти людей всё равно воспринимаются обезличенно, как некий статистический фактор. Современный городской житель словно отгорожен от «бытийности» смерти: бригады скорой медицинской помощи и служебные автомобили полиции перекроют происшествие, а ритуальные агенты возьмут на себя необходимые роли в случае смерти кого-то из близких.

В 1990-е гг. русский философ Л. Г. Ионин использовал термин «некросоциология» для обозначения возможности исследования смерти как социологического объекта [9]. В современном российском дискурсе есть особое и почти неотрафлексированное поле, которое нуждается в специалистах для более подробных исследований – это поле смерти. Специалистам трудно получить к нему доступ: всё, что связано с практиками умирания, предсмертными ритуалами, уходом за смертельно больными людьми редко становится объектом внимания российских учёных. В тех исследованиях, которые появляются в России на данную тему, как правило, «недостаточен интерес к этическому измерению смерти, к её осмысленности, не выработано конвенциональное определение “достойной смерти”, нет понимания того, что сегодня считается значимой и незначимой смертью» [7, с. 238]. Из-за двойственности феномена смерти: с одной стороны, её неизбежности для каждого человека, с другой стороны, общественной табуированности, возникает необходимость в обсуждении этой темы и в рамках публичных дискуссий.

К сожалению, описанные выше обстоятельства, прежде всего, такие как недостаточное освещение темы смерти в общественном дискурсе современной России и неотрафлексированный страх всего, что связано со смертью, создают почву для распространения и укрепления в сознании людей различных стереотипов и суеверий. Например, люди избегают разговоров о смерти из-за того, что боятся «накликать» таким образом на себя неприятности. Инициативы такого рода бесед часто осуждаются, на них накладывается стигма. Есть предрассудок, что пока смерть не наступила, говорить о ней странно. Интерес к практикам смерти, к местам смерти, кладбищам объявляется нездоровым. Но осмысление смерти и приближение к ней может послужить основой для продуктивной рефлексии и стать терапией для всех, кто с этим рано или поздно столкнется. Знакомство заранее с темой смерти может предотвратить тяжелую реакцию после наступления трагического события. Также многие опираются на эзотерические и псевдонаучные представления: обращаются за помощью к гадалкам и экстрасенсам, альтернативной медицине, попадают под влияние религиозных культов (сект). В переломные моменты развития общества, во время духовного кризиса и неопределённости эта проблема встаёт особенно остро. В отсутствие грамотного психологического просвещения и в условиях замалчивания индивидум пытается найти хоть какие-то опоры. Так, российский психотерапевт Ф. Е. Василюк, основываясь на работах эзотерического психолога Кюблер-Росс, описал пять фаз переживаний горя: шок и оцепенение, поиск, острое горе, остаточные толчки и реорганизация, завершение [4]. Критика этой и подобных моделей принятия смерти основывается на нехватке эмпирических данных, доказывающих, что стадии действительно существуют, повторяются для большинства людей и следуют друг за другом. Описанные стадии настолько популяризированы в общественном сознании в том числе и по той причине, что они предполагают предсказуемость в том, что не представляется предсказуемым – в отношении процесса смерти. «Мысль о том, что подчас ужасающее ощущение смерти проходит через стандартный набор стадий и заканчивается чувством спокойного принятия своей судьбы, успокаивает многих из нас» [12, с. 135].

В этом контексте интересно, как страх смерти предлагают преодолеть последователи цифрового бессмертия – технологии, которая в будущем могла бы сохранять и передавать личность человека на компьютере и предоставлять таким образом виртуальной копии человека возможность общаться с другими людьми. То есть данная концепция предполагает, что при жизни человека можно получить информацию о личности и использовать её в качестве прототипа-копии, которая после смерти будет реагировать и мыслить так же, как и уже умерший человек. Сторонники трансгуманизма в России надеются, что смогут достичь цифрового бессмертия к 2045 году в рамках общественного стратегического проекта «Россия 2045» с помощью создания одной или множества копий своего мозга [13]. Цель проекта – создать тело с искусственным разумом до 2045 г. – года, когда наступит предполагаемая технологическая сингулярность. Интернет и массмедиа могут оказать пространство для обсуждения смерти и создания соответствующего дискурса, однако это можно рассматривать лишь как дополнительный инструмент [19]. Предполагается, что на специальном облачном пространстве можно будет сохранить данные о личности человека, а с помощью технологий – обеспечить цифровое бессмертие. «Возникает потребность в развернутом мировоззренческом истолковании этой темы» [5]. Концептуальной основой цифрового бессмертия является представление о смерти как травмирующей реальности. С точки зрения философии экзистенциализма, данная технология элиминирует смерть из повседневной жизни человека, нивелируя её значимость. «Направленность каждой жизни к смерти и её конечность является фундаментальным свойством человеческого существования. Именно оно делает восприятие жизни более обостренным, заставляя человека искать подлинные жизненные смыслы и ценности» [19]. Этический аспект в случае реализации данной технологии касается проблем идентичности, приватности и экзистенциальных последствий. Но «если человеческая природа, рождающая “коллапсирующие” цивилизации, не оставит нам выбора, то исторический эволюционный процесс либо уничтожит человечество, либо “переконвертирует” его в надприродные формы существования» [2, с. 127].

На сегодняшний день представители трансгуманистического общества в России видят возможности победить старение и смерть: несмотря на то, что современная наука ещё не достигла такого технологического прорыва, который позволил бы продлить человеческую жизнь либо на более длительный срок, либо и вовсе бессрочно, человечество всё же постепенно накапливает знания и совершенствует технологии. «Процветает сегодня множество международных вариантов движения активного иммортализма: крионика, трансгуманизм, аболиционизм, технологическая сингулярность и другие. Все эти варианты выступают за научный и технический поиск в области достижения бессмертия» [21, с. 174]. Крионика подаётся в качестве одного из современных способов сохранить жизнь и представляется как научно обоснованная и легальная технология сохранения живого тела в состоянии глубокого охлаждения с целью оживления в будущем. Согласно законодательству, люди подвергаются крионике только после юридически и медицински зафиксированной смерти головного мозга: в настоящий момент замороженное тело нельзя оживить. По данным компании «КриоРус» на январь 2020 года, в России подверглись криосохранению 71 человек и 30 животных. Последователи этой технологии в современной России понимают смерть как поэтапное развитие: первый этап характеризуется клинической смертью мозга и дефункционализацией тела без разрушения внутренних органов; второй этап частично разрушает тело, приводя к биологической смерти; третий этап характеризуется уже полным разложением, после которого происходит информационная смерть или необратимый процесс умирания. Последователи крионики утверждают, что истинная смерть происходит лишь на третьем этапе, если же тело прошло только первый или второй этап, то в будущем вполне возможно восстановить все его функции. «Фёдоровская мечта об общем деле человечества – воссоздании предков также прочитана на языке современной кибернетики и робототехники» [15, с. 146]. Тем не менее, можно расширить философскую интерпретацию данных идей и в другом направлении. Неоспоримым является то, что важно не только вернуть к жизни мозг как орган, но и получить уверенность в том, что процесс существования возобновился. Внешнему наблюдателю сделать это не представляется возможным. К тому же невозможно сделать прерванный процесс тем же самым, что был до смерти. Можно запустить новый процесс на том же субстрате, сравнив это с зажиганием погасшего олимпийского огня. Но олимпийским такой огонь являться уже не будет. Сознание – это личность в реальном времени, которая обменивается информацией с окружающим миром. Благодаря сознанию мы ощущаем себя в своем теле. Так, жизнедеятельность мозга – это не объект, а процесс. Он непрерывен, то есть не прерывается полностью ни во сне, ни в обмороке, ни в коме (если не произошло смерти мозга). Если мы оживим мозг, то мы не восстановим прерванный процесс, а лишь запустим новый, хоть и аналогичный прежнему, но другой. Здесь возникает и сложная социально-философская проблема: трудности адаптации «размороженной» личности в новом для нее мире, в социуме неизбежно вызовут страдания. Открытым остается вопрос, каким будет качество ее жизни, и другие вопросы социального характера, вытекающие из него.

Как утверждает В. Ф. Пряжин, взаимодействие и взаимовыгодное сотрудничество идей, почерпнутых из философии русского космизма и современных трансгуманистических веяний, может способствовать утверждению единого мировоззрения для современного, постоянно меняющегося мира, особенно в условиях глобализации, мультикультурации и совместного противодействия техногенным и антропогенным опасностям нашей цивилизации [Там же, с. 140].

Нам представляется, что попытки смягчить страх перед смертью, возможно, и помогают на определенный промежуток времени, но гораздо эффективнее не пытаться его полностью устранить из жизни, а принять его и через принятие осуществлять работу над ним, как это предлагают современные российские психотерапевты [18]. Например, методы работы с танатофобией (страхом смерти) могут включать в себя восстановление связи с другими людьми, углубленный поиск смысложизненных ориентиров и ценностей, выработку новых мыслительных паттернов и убеждений взамен дисфункциональных установок, благодаря которым человек с имеющейся танатофобией учится анализировать свои мысли и менять своё поведение, понимает, что жизнь и смерть – взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы: одно не существует без другого.

Мы приходим к следующим **выводам**. В рамках настоящего исследования изучены истоки философской танатологии в российской мысли – это, прежде всего, труды религиозных мыслителей Н. Ф. Федорова, которые идейно вдохновили современных российских трансгуманистов, и Л. И. Шестова, чьи труды внесли вклад в российскую танатологию через борьбу с табуированностью темы смерти. Причины непопулярности *death studies* в России заключаются в недостаточной освещенности темы смерти как таковой в публичном дискурсе: среди учёных, журналистов, медицинских работников, политиков, блогеров, СМИ и др. Проанализированы табуированность, замалчивание и другие проблемы дискурса смерти, которые вызваны неотрефлексированным страхом смерти – танатофобией. Мы считаем, что вынесение данной проблематики в сферу публичного дискурса может стать одним из первых шагов к решению этих проблем. Исследовано осмысление страха смерти в современном российском обществе – показано, что из-за недостаточной освещенности проблемы люди могут обращаться к псевдонаучным и эзотерическим учениям, а также стигматизировать разговоры о смерти, что не способствует улучшению ситуации. Выявлено, что трансгуманисты предлагают устранить страх смерти через достижение в будущем цифрового бессмертия, благодаря которому можно будет сохранить сознание человека на электронном носителе и через технологию крионики – заморозки тела для его последующей разморозки и восстановления, когда научно-технический прогресс сможет это обеспечить. Вышеуказанные технологии получают критику с точки зрения философии сознания и экзистенциальной философии.

Дальнейшее развитие технологий и широкое освещение темы смерти как в сфере науки, так и в сфере повседневности позволит сформировать полноценный дискурс смерти в современной России.

Список источников

1. Баканова А. А. Танатопсихология: современное состояние и основные направления исследований в России [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2014. № 6 (29). URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2014_6_29/nomer/nomer16.php (дата обращения: 20.10.2020).
2. Барышников П. Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1 (7). С. 98-127.
3. Васенкин А. В. Социально-этические основания NBIC-технологий: монография / Министерство образования и науки РФ, ИНИТУ. Иркутск: Изд-во Иркутского нац. исслед. тех. ун-та, 2018. 157 с.
4. Василюк Ф. Е. Пережить горе. О человеческом в человеке: сборник / ред. И. Т. Фролов. М.: Политиздат, 1991. 385 с.
5. Гуревич П. С. О жизни и смерти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=82081> (дата обращения: 21.10.2020).
6. Еремеева С. А. То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России? // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 35-49.
7. Еремеева С. А. "Death studies" - разговор о жизни и о будущем // НП/НР. 2016. № 4. С. 237-242.
8. Ефременко Д. В., Гиряева В. Н., Евсеева Я. В. NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 34. № 4. С. 112-129.
9. Ионин Л. Г. Проблема некросоциологии // Ионин Л. Г. Парадоксальный сон: статьи и эссе. М.: Университетская книга, 2005. 319 с.
10. Калинин И. А. Искусство как прием воскрешения слова: Виктор Шкловский и философия общего дела // Новое литературное обозрение. 2015. № 3. С. 214-225.
11. Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУКИАЦК, 2007. 140 с.
12. Лилиенфельд С. О., Линн Дж. С., Бейерстайн Б. Л. 50 великих мифов популярной психологии / пер. с англ. Р. Епимахова. М.: Эксмо, 2013. 512 с.
13. Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2045.ru/about> (дата обращения: 02.10.2020).
14. Мохов С. В. Ситуация с "Death studies" в современной науке // НП/НР. 2016. № 4. С. 229-236.
15. Пряхин В. Ф. Бессмертие - мировоззрение XXI века: per memoriam ad immortalitatem. М.: Академический проект, 2018. 268 с.
16. Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
17. Фигуры Танатоса: философский альманах: материалы Второй международной конференции (г. Санкт-Петербург, 12-15 ноября 1995 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 5. Специальный выпуск. Тема смерти в духовном опыте человечества. 162 с.
18. Холмогорова А. Б. Страх смерти: культурные источники и способы психологической работы // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 120-131.
19. Черданцева И. В., Кузуб О. С., Жиренова А. Т. Проблема цифрового бессмертия [Электронный ресурс] // Философские дескрипты. 2020. № 21. URL: <http://philosophdescript.ru/?q=node/177> (дата обращения: 19.11.2020).
20. Шестов Л. Sola Fide - Только верою. Париж: YMKA press, 1966. 296 с.
21. Янг Д. М. Иммортиализм до и после Н. Ф. Федорова // Московский Сократ. Николай Федорович Федоров: сборник научных статей / сост. А. Г. Гачева, М. М. Панфилов; отв. ред. А. Г. Гачева. М.: Академический проект, 2018. С. 172-174.

Информация об авторах | Author information

Москаленко Дарья Николаевна¹, к. филос. н.

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Moskalenko Daria Nikolayevna¹, PhD

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ damoskalenko@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.11.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): дискурс смерти; страх смерти; трансгуманизм; цифровое бессмертие; крионика; discourse on death; thanatophobia; trans-humanism; digital immortality; cryonics.